

ВЛАДИМИР РОДИН

ГЛУПОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНА?

В октябре 2012-го исполнилось 22 года со дня объединения Германии на условиях Запада. Бывший президент СССР Горбачёв дал согласие на поглощение ГДР – нашего друга и союзника – Федеративной Республикой Германией и включение объединённой Германии в НАТО. Падение первого социалистического государства на немецкой земле, несущей опоры безопасности Советского Союза в Европе, стало одним из звеньев в цепи тектонических событий, потрясших нашу планету в конце XX века: распад Советского Союза, крах Варшавского договора и Социалистического содружества в Восточной Европе. Россия, вынесшая на своих плечах главную тяжесть борьбы с агрессией Европы, начатой гитлеровской Германией, была отброшена к границам Брестского мира и оказалась в положении разделённой нации. Прибалтика и страны Восточной Европы были включены в НАТО и превратились в плацдарм для размещения американских военных баз, которые, как дамклов меч, нависли теперь над нами. Полным ходом идёт подготовка к развёртыванию вблизи границ России американской ПРО, призванной максимальной снизить порог безопасности нашей страны.

Даже в самом страшном сне советские люди не могли представить себе исчезновение с политической карты мира СССР и ГДР. О том, как это произошло, со знанием дела рассказал последний посол ГДР в СССР (1987–1990) Герд Кёниг в книге “Крах братского союза”*. Герд Кёниг ушёл из жизни в 2009 году, труд завершили его коллеги Карл-Хайнц Фельберг и Манфред Шюнеманн.

Герд Кёниг – один из многих верных друзей Советского Союза, связавших в послевоенное время свою судьбу с рождением и укреплением ГДР, с развитием жизненно важных для молодой республики отношений с Советским Союзом. Как и многие молодые люди из ГДР, он получил высшее образование в Москве (окончил МГИМО) и добился больших успехов на дипломатическом поприще. **“Все годы после войны Советский Союз был для меня образцом, – подчеркивает Кёниг. – Я защищал его внутреннюю и внешнюю политику и делал всё – в меру моих сил, – чтобы углубить дружеские отношения с Советским Союзом”.**

* Erinnerungen des letzten DDR – Botschafters in Moskau Gerd Koenig. Fiasko eines Bruderbundes. 2011 edition ost Das Neue Berlin.

РОДИН Владимир Митрофанович родился в 1928 году в Сталинграде. Окончил МГИМО. Работал в советских посольствах в ГДР, ФРГ, Индии. Автор книги “Вертикаль личности. На крутых поворотах российско-германских отношений. 1933–2011 годы”. Живёт в Москве.

Книга Кёнига – серьёзный вклад в “спор о Горбачёве”, который с новой силой вспыхнул в мировой прессе и вызвал очередную лавину комментариев на тему: “Глупость или измена?!” (Игорь Шумейко в статье “Неуместное закливание” – “ЛГ”, 18.04.2012 – резонно задаёт вопрос: “Но почему же – ИЛИ?”)

Кёниг – дипломат, и это говорит о многом. В воспоминаниях он опирается на факты и сведения, которые он почерпнул в ходе встреч на высшем уровне между Горбачёвым и руководителями ГДР: Эрихом Хонеккером, Эгоном Кренцем и Хансом Модровым. Опираясь на их свидетельства, Кёниг даёт довольно объективную и честную картину начала и краха перестройки, затеянной Горбачёвым, которая привела к гибели ГДР и причинила огромный ущерб интересам безопасности самого Советского Союза. При этом Кёниг не скрывает ошибок руководства ГДР.

Значение советско-германского союза

Советский Союз, отмечает Кёниг, в решающей степени участвовал в создании ГДР. В пропаганде ГДР её образование характеризовалось как важнейшее событие Второй мировой войны. Но это, по мнению Кёнига, “не соответствует фактам”. “Важнейшим событием войны для Советского Союза было продвижение границ его безопасности далеко на Запад. За это он заплатил в войне огромную цену: большой материальный ущерб; разрушение значительной части промышленности и сельского хозяйства; руины тысяч городов и сёл; уничтожение невозполнимых культурных ценностей и, самое главное, 26 млн убитых. Это оставило в сознании народов Советского Союза глубокий след и оказало решающее влияние на советскую политику в отношении Германии”.

Начиная с 1945 года политика СССР, отмечает Кёниг, была направлена на то, чтобы “использовать достигнутое такой огромной ценой стратегическое преимущество для обеспечения советских интересов в Европе. Когда оказалось, что первоначальная цель советской послевоенной политики – создание единой, антифашистской, демилитаризованной, демократической и нейтральной Германии – не могла быть реализована, особое и даже выдающееся значение в рамках этой политики приобрела советская оккупационная зона и созданная на её территории ГДР”. Учитывая, что ГДР представляла собой центральный фактор политики СССР по обеспечению его интересов безопасности в Европе, Советский Союз был заинтересован в политически и экономически стабильной ГДР, прилагая большие усилия для её укрепления и международного признания.

Советский Союз, говорит далее Кёниг, всегда видел в лице ГДР близкого и верного союзника и хорошо понимал, что ослабление, не говоря уже о потере ГДР, имело бы серьёзные последствия для его пребывания в Центральной Европе. Но и ГДР “имела самый непосредственный интерес в сохранении и укреплении советских позиций в Центральной Европе. Можно упрекать руководство ГДР, но ни один из её лидеров, будь то Ульбрихт, Хонеккер, Кренц или Модров, никогда не забывали, что само существование ГДР как социалистического немецкого государства зависит от всесторонней и широкой поддержки Советского Союза. Он был жизненно важным гарантом будущего ГДР. Без военно-политического обеспечения Советским Союзом безопасности ГДР она была бы нежизнеспособна, поскольку не выдержала бы давления со стороны ФРГ и западных держав. Из этого переплетения интересов и взаимозависимости вытекала необходимость согласия по всем принципиальным вопросам внешней политики, включая проблемы безопасности, что, в свою очередь, позволяло Советскому Союзу оказывать значительное влияние на политику ГДР”.

Кем был Горбачёв в действительности?

Кёниг считает, что Генеральный секретарь был совсем не прост. Приход Горбачёва в большую политику произвёл самое благоприятное впечатление как в Советском Союзе, так и в ГДР, отмечает Кёниг. Впервые за многие годы во главе КПСС встал человек, который держался уверенно, говорил свободно, быстро устанавливал контакт с людьми, который, “как казалось, не только знал проблемы и недостатки, но и говорил о них, критиковал и осуж-

дал их. Своими выступлениями, словами и заявлениями Горбачёв быстро завоевал симпатии людей в Советском Союзе и за рубежом”. Надо также сказать, что для продвижения своих идей Горбачёв и Яковлев успешно использовали так называемую “тактику салями”. Опубликовали в “Правде” концепцию “общечеловеческих ценностей” — народ молчит. Значит, можно двигаться дальше. Этот метод был применён и при сдаче ГДР. Надо, чтобы народ в Советском Союзе постепенно привыкал к мысли о приближающемся объединении Германии, философствовал Горбачёв.

Беда в том, что у Горбачёва, как полагал Кёниг, не было никакой конкретной программы дальнейшего развития СССР, всего социалистического лагеря. Генсек, отмечает Кёниг, никак не хотел говорить о том, что означает перестройка. В беседе с руководством ГДР Горбачёв как-то обмолвился: перестройка — это мирная революция. Но ведь в России уже была революция в 1917 году. Значит, это контрреволюция!? (Дальнейшее развитие событий в Советском Союзе подтвердило вывод наших немецких друзей. А для успеха контрреволюции надо было идеологически опорочить достижения социалистической революции в России, чем и занялся Горбачёв при поддержке нашей “продвинутой” интеллигенции. — **В. Р.**)

В беседах с Кёнигом Хонеккер выражал серьёзную озабоченность дискуссией об истории КПСС в Советском Союзе. В советской прессе “преступления Сталина” выдавали за “родимые пятна социализма”. Под флагом борьбы против сталинизма развернулась кампания по дискредитации социализма. Такие публикации, — говорил Хонеккер, — “манна небесная для наших противников, которые пытаются разыграть КПСС против СЕПГ”.

Хонеккер спросил Кёнига, почему в Советском Союзе предаются идеалы Октябрьской революции? “Достижения в Советском Союзе неоспоримы, — рассуждал Хонеккер. — Кто может поставить под сомнение, что промышленность достигла таких высот? То же можно сказать и о советской системе образования. В начале 30-х годов, когда он учился в Москве и работал в Магнитогорске, он постоянно встречался с малограмотными людьми. Сегодня в СССР — миллионы высококвалифицированных учёных, врачей, учителей и, прежде всего, образованный рабочий класс и крестьянство. Как можем мы перед лицом этих фактов не критично поддерживать всё, что в настоящее время пишут, говорят и делают в Советском Союзе?”

Затем, отмечает посол, он сделал такое признание, которого я не ожидал от Хонеккера. Он подтвердил, что в ГДР — вследствие неконтролируемого развития в СССР — “уже происходят потрясения. Это вполне понятно — ведь мы же, в конечном счёте, всегда учились у Советского Союза и воспитывали в этом духе наших людей!”.

На XIX партконференции КПСС в 1988 году Горбачёв и его сторонники открыто заявили о своём намерении реформировать “политическую систему” в СССР. При этом главный удар был нанесён по КПСС. Ревизии подверглась ведущая роль партии в советском обществе. Кардинальная ошибка руководства СЕПГ, — по мнению Кёнига, — состояла в том, что оно не сумело разобраться, насколько опасный для социализма характер принял горбачёвский эксперимент.

Кризис легитимности политической системы, отмечал Кёниг, развивался “широким фронтом. В общественной жизни Советского Союза произошло выхолащивание и демонтаж политической системы, в центре которой стояла КПСС. Властные структуры партийного аппарата были уже серьёзно ограничены. Постоянная замена Горбачёвым партийных и государственных функционеров на всех уровнях вызвала растерянность не только в партийном и государственном аппарате. Такая практика ослабила лояльность в отношении Горбачёва, мешала его руководящей деятельности и привела вскоре к вакууму власти. Возникли серьёзные проблемы в экономике, снабжении населения товарами первой необходимости... На этом фоне, начиная с 1988 года, стали формироваться альтернативные силы и движения (Ельцин)”.

Идею перестройки Горбачёв начал упорно насаждать в странах Восточной Европы. Тут ваш покорный слуга хотел бы сделать небольшое отступление. Ну, хорошо, скажет читатель: СЕПГ, наши друзья и ГДР... а сами-то куда смотрели? Где были наши “умные парни” в КГБ, МИД, Минобороны? Они — что? — не понимали, куда тянет страну Горбачёв? Хороший вопрос, уважаемые читатели. Должен честно сказать: не раскусили мы тогда Горбачёва.

Это уж потом... А вначале мы тоже были “околдованы” им. Ещё бы! – решил сорвать “паутину лжи”, смело вскрывал недостатки и пр. Здесь моё мнение совпадает с оценкой личности Горбачёва, данной Кёнигом. Но есть ещё один очень важный момент. По традиции, царь, генсек или президент пользуются в матушке России огромной, почти неограниченной властью, что имеет свои плюсы и минусы. Горбачёв пришёл к власти в СССР не в результате политической борьбы, а путём интриг. Народ получил фактически “кота в мешке”. А уж дорвавшись до власти, Горбачёв сумел в полной мере использовать все преимущества “тоталитарной системы” для “продавливания” перестройки.

Очень интересные штрихи к портрету Горбачёва даёт Кёниг. Он говорит, что Горбачёв не терпел даже малейшей критики и подавлял её в зародыше. “Излюбленный метод Горбачёва в борьбе с противниками “перестройки” или с теми, кто сомневался в её целесообразности, состоял в том, чтобы наклеивать на них ярлык консерватора или догматика и исключать, таким образом, из политической жизни. При этом никто даже не удосужился объяснить, что означает в каждом конкретном случае “консерватизм и догматизм”. С теми, кто не разделял идеи Горбачёва, “никто больше не дискутировал, их мнение никого не интересовало, поскольку они мешали Горбачёву и его команде”. Если бы Горбачёв прислушивался к мнению многочисленных специалистов, которые призывали его более продуманно подходить к принятию решений, то “можно было бы избежать некоторых ошибок во внутренней и внешней политике”, – отмечает Кёниг (“некоторых” – вежливо сказано. – В. Р.).

Горбачёв ищет признания и поддержки на Западе

Потерпев неудачу внутри страны, Горбачёв решил добиться успеха перестройки в “планетарном масштабе”. На XIX партконференции он впервые упомянул концепцию “Свободы выбора”, которая должна была стать универсальным принципом в международных отношениях, когда “выживание цивилизации стало важнейшей проблемой человечества”. В последующих выступлениях он начал развивать мысль о том, что без существенной корректировки внешнеполитического курса СССР невозможно установить деловое сотрудничество с Западом и, прежде всего, с США, положить конец гонке вооружений (на первый взгляд звучит разумно. Но ведь руководство Советского Союза всегда держало курс на прекращение гонки вооружений и добивалось в этом деле определённых успехов. – В. Р.).

Однако Горбачёв полагал, что во внешней политике СССР было много консерватизма и догматизма и что в этом деле можно, дескать, добиться прорыва, если Советский Союз проявит большую готовность к компромиссам. Но ведь компромиссы компромиссам рознь. И Кёниг совершенно справедливо указывает на то, что “внутриполитическое давление и стремление к быстрым внешнеполитическим успехам превратили эту – вначале убедительную и обоснованную концепцию – в политику постоянных уступок американцам. Как первый шаг определяет направление движения, так и первые шаги Горбачёва в области внешней политики оказали влияние на его дальнейшие действия, его успехи и, прежде всего, его поражения”.

В начале 1985 года Горбачёв освободил Громыко от должности министра иностранных дел и поставил на его место Шеварднадзе. Кёниг нашёл замечательные слова для характеристики деятельности Громыко. “Его отставка означала конец целой эпохи в советской внешней политике и дипломатии. Он был убеждённый коммунист и верный представитель советской политики. Свою главную задачу он видел в укреплении и сохранении мира для Советского Союза и всей планеты, защите материальных, социальных и культурных достижений СССР и его граждан. Политический курс советского руководства он всегда отстаивал последовательно, иногда жёстко, но, как правило, с большим дипломатическим искусством. Он упорно боролся против угрозы новой ядерной войны, за достижение соглашений по разоружению и ограничению вооружений”.

Совершенно иным политиком, по мнению Кёнига, был Шеварднадзе. Разумеется, он был “абсолютно предан Горбачёву и, в любом случае, полезен для реализации политики “нового мышления”. Но национальным интересам Советского Союза он причинил серьёзный ущерб. Сам факт назначения – в критической для сохранения Советского Союза ситуации – грузина, а не

русского, руководителем Министерства иностранных дел Кёниг считает ошибкой. Шеварднадзе были “чужды великодержавные, имперские настроения”.

Главным недостатком в его деятельности было “отсутствие дипломатического профессионализма и опыта в обращении с политикой США и западными дипломатами. Это была не его вина. Но он не опирался на своих опытных заместителей, пренебрегал их мнением и быстро освобождался от критически настроенных и неудобных сотрудников. Не менее негативно сказывалась на работе Министерства и его слишком большая готовность к компромиссам”.

Удивительно точно Кёниг вскрывает главный порок внешней политики Горбачёва: слепое поклонение Генсека и членов его Политбюро общечеловеческим ценностям привело их к забвению “национальных интересов СССР и его союзников. Шеварднадзе не обладал, к сожалению, дипломатическим искусством – умением сочетать защиту общечеловеческих ценностей с отстаиванием интересов своего государства – СССР. В этом отношении он мог бы поучиться у своих американских коллег, которые это делали мастерски”.

На самом деле все переговоры о разоружении, которые вели Горбачёв и Шеварднадзе, представляли собой распродажу национальных интересов Советского Союза ради прославления Горбачёва как “спасителя человечества от взаимного истребления”. Посмотрите, какую философию переговоров с Западом по разоружению развивал Шеварднадзе в беседе с Кёнигом в 1989 году. Шеварднадзе был убеждён, что односторонние меры Советского Союза по сокращению советских вооружённых сил, вооружений и военных расходов, поддержанные ГДР и другими социалистическими странами, “усилят давление (!?) на западные страны и заставят пересмотреть их позицию по вопросам разоружения”. Оторопь берёт, когда читаешь эти *благоглупости*. Но ведь это была *официальная* политика Горбачёва. А вспомните, сколько было разговоров о том, что за роспуском Варшавского договора вот-вот последует роспуск НАТО, и тогда... “Маленькие девочки и мальчики из Советского Союза будут вместе со своими американскими сверстниками весело играть на зелёной лужайке у Белого дома”.

Надо сказать, что на Западе – в отличие от нас – быстро раскусили Горбачёва и поняли, что этот неопытный в политике, но очень самонадеянный и тщеславный утопист может помочь Западу выдворить *русского медведя* из Европы и *загнать его за Урал*. Горбачёву стали оказывать и моральную поддержку, и материальную помощь. Запад стремился не допустить свержения Горбачёва в Советском Союзе, пока он не завершит свою *разрушительную миссию*. Ему стали *курить фимиам*, осыпать наградами (Нобелевская премия мира). Главным куратором Генсека стал канцлер ФРГ Коль, поскольку он увидел в его лице политика, с которым можно договориться об объединении Германии. Когда Шеварднадзе по поручению Горбачёва обратился к Колю с просьбой о крупном кредите, то канцлер с удовольствием выполнил его просьбу, резонно рассчитывая на взаимность в решении “германского вопроса”. **Западные немцы спасли Горбачёва от советских генералов, которые оказывали упорное сопротивление его совершенно необоснованным уступкам на переговорах с американцами по вопросам разоружения. Дело дошло до резких перепалок между министром обороны маршалом Соколовым и Шеварднадзе на заседаниях Политбюро.**

Недовольство Горбачёва военным руководством достигло в первой половине 1987 года опасной черты. Но Горбачёв, полагает Кёниг, “опасался открытого конфликта с военными”. И тут ему помогли западные немцы. 28 мая 1987 года на Красной площади приземлился западногерманский лётчик-спортсмен Матиас Руст. Это дало возможность Горбачёву расправиться с неудобными ему генералами, на которых он возложил всю ответственность за национальный позор.

Министр обороны Соколов и целая группа генералов были отправлены в отставку.

ГДР между двух огней

Сближаясь с Западом, Горбачёв всё дальше расходился с союзниками по соцлагерю, прежде всего с ГДР. Исходным пунктом идеологического конфликта между КПСС и СЕПГ стала девальвация горбачёвским руководством

существующей модели социализма, к чему руководство КПСС пришло “в результате трезвой оценки советской действительности по сравнению с достижениями капитализма”. Однако руководство ГДР не могло согласиться с призывом “учиться у классового противника в интересах улучшения системы”, поскольку такая идеология лишала легитимности её существование”, — отмечает Кёниг.

Идеология ГДР строилась на тезисе о “превосходстве социалистической системы ГДР над капиталистической системой ФРГ”. Отсюда позиция руководства ГДР: оно не видит никакой необходимости в проведении “принципиальных политических и экономических реформ”. Надо отдать должное Кёнигу — он честно признаёт, что отказ от любых реформ “подорвал доверие населения к политике СЕПГ и вызвал симпатии к Горбачёву и перестройке”. Но ваш покорный слуга хотел бы добавить, что руководство СЕПГ уже тогда понимало, какими бедами грозит идеологическая дискуссия такого рода как для Советского Союза, так и для ГДР, но оно не могло открыто говорить об этом, поскольку было связано дружескими узами с СССР. Тем паче, в результате обещаний Горбачёва улучшить социализм в Советском Союзе экономическое положение там резко ухудшилось, что, разумеется, не прошло незамеченным в ФРГ. От солидных капитанов западногерманской промышленности и банкиров в адрес Горбачёва стали поступать — через институт Богомолова и по другим каналам — предложения “обменять” ГДР на крупную финансовую помощь Советскому Союзу. Называлась даже сумма — 500 млрд марок. В ФРГ для бесед с Колем зачастили тайные эмиссары Горбачёва (в частности, Николай Португалов, сотрудник ЦК КПСС).

Начиная с января 1990 года Горбачёв “уже без всяких стеснений связывал свои просьбы к Колю и правительству ФРГ об оказании материальной и финансовой помощи с политическим покером по вопросу о германском единстве”, — пишет Кёниг.

Глубокое разочарование в руководстве СЕПГ вызвали высказывания представителей советской интеллигенции по германскому вопросу, которые, как считал Хонеккер, лили воду на мельницу противников ГДР. 9 июня 1988 года *Die Welt* опубликовала материал о беседе с советским профессором Дашичевым под заголовком: “Стена должна исчезнуть”. Согласно сообщению редакции, Дашичев заявил, что Берлинская стена и колючая проволока являются остатками “холодной войны”. По этому поводу посол Кёниг сделал представление в ЦК КПСС. Но самое удивительное с послом Кёнигом, пожалуй, за всё время его работы в Москве, произошло, когда с ним — “для доверительной беседы” — предложил встретиться ответственный сотрудник ЦК КПСС Фёдоров. В беседе на вилле посла в Серебряном Бору Фёдоров заявил буквально следующее: своё существование ГДР “не должна слишком тесно связывать с современным социализмом в республике”. Существование ГДР, её государственный суверенитет гарантированы не социализмом, а целым рядом международных договоров. Какой бы ни возник социализм в ГДР, даже если его совсем бы не было, ГДР сохранится как государство. Даже ближайшие союзники ГДР не дадут в настоящее время согласия на воссоединение Германии.

Опасность для ГДР, говорил Фёдоров, исходит, в первую очередь, от “внутриполитического развития, массовых выступлений граждан республики” (этого очень боялся Горбачёв).

Самым настоящим актом предательства, ударом в спину ГДР стало заявление Александра Яковлева Гессенскому радио в январе 1989 года о Берлинской стене: “Это не наша стена, не мы её построили, это дело ГДР”. Яковлеву вторил Шеварднадзе. А ведь на самом деле решение о возведении стены в Берлине в 1961 году было принято в рамках Варшавского договора, чтобы спасти мир от реальной угрозы третьей мировой войны. После завершения операции по закрытию границы с Западным Берлином руководитель ГДР Ульбрихт попросил посла в ГДР Первухина: “Доложите товарищу Хрущёву: приказ выполнен, всё в порядке” (см. Квицинский Юлий. *Время и случай*. Заметки профессионала. Москва. “Олма-Пресс”, 1999).

Заявление Яковлева о Берлинской стене стало сигналом для Запада: Советский Союз не намерен больше защищать безопасность ГДР. 9 ноября 1989 года пала Берлинская стена, а 3 октября 1990 года произошёл аншлюс ГДР Федеративной Республикой Германией.

Затем рухнул и Советский Союз.